

Перепечкина С.Е.

ВАРИАТИВНОСТЬ ПРОИЗНОШЕНИЯ В ГЕНДЕРНОМ АСПЕКТЕ

(на материале образцов речи преподавателей – носителей немецкого языка)

Цель статьи – представить данные, полученные путем анализа конкретного речевого материала, которые могут дополнительно проиллюстрировать некоторые существующие в лингвистике выводы относительно половой дифференциации речи на произносительном уровне. Выявление языковых особенностей мужской и женской речи является сегодня одной из наиболее интенсивно разрабатываемых проблем. Незначительная доля исследований гендерных признаков сегментного уровня объясняется, вероятно, тем, что в произнесении звуков эти особенности не столь заметны, как, например, в лексике и интонации; кроме того, их фиксация и интерпретация не лишены трудностей, связанных, в частности, с применением метода «скрытой» записи и вытекающим из этого рядом этических и правовых требований. Необходимым условием является также адекватность восприятия и отображения звуков посредством соответствующих транскрипционных систем.

Обращаясь к ретроспективе, отметим, что биосоциальный фактор «пол» (sex+gender) уже достаточно давно привлекает внимание ученых. Так, Ж.Б. Дю Тертр еще в середине 17 в., исследуя язык племен Малых Антильских островов, отмечает разницу в речевом поведении женщин и мужчин: “The women have a language quite different from that of the men, and it would be a sort of crime to speak otherwise among themselves, when they are not obliged to converse with the men” (цитируется по [1, с. 34]). Данный факт подтверждается европейскими учеными и путешественниками в эпоху открытия неевропейских культур: в их этнологических сообщениях появляются понятия «женский и мужской языки» (Women’s Language, Men’s Language), хотя наблюдаемые различия относятся не к языковой системе в целом, а к отдельным ее уровням (н-р, в выборе лексических единиц или произношении отдельных слов). В начале XX в. предметом большинства штудий по-прежнему являлась речь носителей неиндоевропейских языков, например, американских индейцев (“Male and female forms of speech in Yana”, Edward Sapir, 1929; “Men’s and women’s speech in Koasati”, Mary R. Haas, 1940). Интерес к «экзотическим» языкам обусловлен, по мнению Энн Бодин [2, с.132], тем, что в них существуют языковые вариации, однозначно соотносящиеся с тем или иным полом. В японском языке, например, женская речь отличается от мужской набором модальных-экспрессивных частиц, суффиксов вежливости и т.п. [3, с.168], а носители европейских языков обнаруживают лишь обусловленное полом предпочтение определенных языковых форм, которые, однако, употребляются как женщинами, так и мужчинами. О. Есперсен впервые [4] обратился к анализу языкового поведения англичан и англичанок, предполагая, что женская манера речи является отклонением от мужской, считающейся нормативной. Однако еще долгое время категория «пол» учитывалась в социально-лингвистических исследованиях редко и бессистемно – как лингвистическая переменная, «мешающая» стройному течению анализа. Так, У. Лабов в качестве гипотетических информантов рассматривал сначала только мужчин и в своем исследовании речевого поведения молодых американцев-негров ограничился представителями мужского пола. Абсолютно отрицать факт андроцентричности естественного языка (язык отражает картину мира с позиции мужчины), тем не менее, нельзя, он «доказан во многих работах и является, по всей видимости, универсальным» [5].

Явную взаимосвязь между употреблением лингвистических переменных (прежде всего, на фонетико-фонологическом уровне) и полом показал и П. Траджилл: женщины чаще мужчин пользуются стандартными языковыми формами [6]. Этот весьма важный факт, представляющий интерес для нашего исследования, находит подтверждение и у других исследователей (см., напр., [7; 8]). В качестве причин называется ряд факторов экстралингвистического характера, в частности, условия профессиональной деятельности, в которых оказываются именно женщины как воспитатели в детских садах, учителя, медсестры, секретари. В данном случае ситуация в определенной степени вынуждает говорить «корректно»: стандартный вариант хорошо подходит для общения с незнакомыми людьми; в этих профессиях важное значение имеет функция речи служить образцом. К. Маттейер, кроме того, особо подчеркивает роль женщины в языковом воспитании ребенка: чаще всего мать, а не отец (хотя сегодня в Германии уже имеются примеры, когда за маленькими детьми ухаживает отец) отвечает за это и стремится говорить как можно ближе к образцу [9]. Ф. Айглер убеждена, что женщины используют стандартный вариант для обозначения своей идентичности и в зависимости от коммуникативной ситуации связывают с ним различные намерения [1, с.39]. Интересный тезис в связи с реализацией стандартного варианта произношения выдвигают Л. и Дж. Милрой: некоторые произносительные варианты только потому становятся престижными, что их употребляют женщины [10, с.65]. Представительницы феминистского направления в лингвистике Робин Лакофф и Мэри Р. Кей (утверждается, что дискриминация женщин происходит и посредством языка) также отмечают более частое использование корректных фонетических форм женщинами [11; 12].

Известно, что анализ половой дифференциации речи возможен в двух направлениях: исходя из понятия биологического (1) и социального (2) пола. В первом случае точнее оказывается термин «секслект» (от ‘sex’), во втором – «гендерлект», когда «пол» интерпретируется гораздо более как ‘gender’ – как некий социальный и культурный конструкт, который основывается на существующей в обществе иерархии женщин и мужчин, на стереотипах в отношении их речевого поведения. Под стереотипом понимается в данном случае система взглядов, мнений и убеждений, которая структурирует и селективно направляет индивидуальное восприятие; стереотипические представления о том, как должны говорить женщины и мужчины, определяют индивидуальное восприятие и продуцируют тем самым различия в речевом поведении. Одновременно

собственный опыт индивидуума (отдельные случаи из его жизни) служит подтверждению стереотипов – и это одна из причин особой устойчивости последних к социальным переменам. Они остаются, даже если опыт индивидуума опровергает их, поскольку этот опыт относят обычно к исключениям, подтверждающим правило [13, с.280]. Т.о., стать стереотипом теоретически может и само утверждение, что женское произношение более корректное, чем мужское, и повлиять на восприятие исследователя и его выводы, поэтому требуются многие количественные измерения в самых разных речевых ситуациях.

Речевое поведение рассматриваемой нами группы представителей интеллигенции также испытывает влияние со стороны имеющихся стереотипических представлений и требований престижа, связанного с социальным статусом образованного человека. В нашем случае – это корректное произношение, соотносящееся со стандартом, овладеть которым возможно либо естественным путем, воспитываясь в соответствующем духе с детства, либо (что гораздо труднее) сознательно работая над речью, шлифуя ее, избавляясь от возможных регионально окрашенных форм. Параллельно с автоматизацией навыков произношения – процессом неосознанным, протекающим в раннем детстве, закладываются, по-видимому, и первые стереотипы речевого поведения, основанные на личном восприятии ребенком ближайшего окружения. Примером из собственных наблюдений автора может послужить произнесение годовалым ребенком (девочкой) одного и того же слова «мама» высоким голосом в значении 'мама', а низким голосом в значении 'папа'. В этих тембровых различиях отображается восприятие ребенком двух разных людей и выражаются его стихийно складывающиеся представления о них: мягкость, женственность – твердость, мужественность (что, собственно, совпадает с мнением лингвистов о типичных признаках речевого поведения женщин и мужчин в процессе коммуникации в реальных ситуациях). Вопрос о том, насколько именно велико влияние стереотипов на языковое поведение мужчин и женщин, остается открытым и вряд ли может быть подтвержден количественно. Несомненно, однако, то, что их воздействие значительно не только в отношении ожиданий и их выполнений, но и в отношении восприятия и оценки сказанного и услышанного.

Высшая школа представляет собой сферу жизни, в которой женщины находятся в относительно привилегированном положении, и вероятнее всего здесь обнаружится меньше гендерных различий в речевом поведении. Тем не менее, выбор целевой группы представляется обоснованным, т.к. информанты имеют ряд общих социальных признаков, делающих их относительно гомогенной группой, так что различия в языковом поведении могут наблюдаться, прежде всего, по признаку переменной «пол». Другие факторы (возраст, образование, социальный статус) по причине относительного равенства как детерминанты будут играть подчиненную роль.

Исследование проводилось по трем направлениям, учитывать которые важно в отношении носителей немецкого языка в Германии: реализация стандартных, разговорных и регионально окрашенных произносительных форм. В процессе наблюдений были отобраны наиболее вариативные фонологические переменные (ФП), иллюстрирующие произносительные тенденции немецкого языка: долгий открытый /ε:/, вокализованный и консонантный /r/, звонкий /z/, глухой /ç/ и сонорный /ŋ/ в суффиксах -ig и -ung.

В эксперименте приняли участие носители немецкого языка – профессора и доценты с гуманитарным образованием, среди них 12 женщин от 33 до 64 лет и 21 мужчина от 35 до 65 лет. По данным анкет четыре женщины и пятеро мужчин не владеют диалектом. Остальные информанты отметили, что умеют (в разной степени) говорить на одном из следующих диалектов: берлинском (2 ж. и 1 м.), швабском (1 ж. и 2 м.), вестфальском (2 ж. и 3 м.), нижнемецком («платт», остфризском – 2 ж. и 2 м.; гамбургском – один мужчина), франкском – одна женщина, саксонском – трое мужчин, баварском – двое мужчин. Как правило, это диалект местности, где проходило детство информанта. Сегодня в общении с родителями и родственниками вне собственной семьи этой языковой формой пользуются лишь три женщины и пятеро мужчин. Родители всех информантов имеют высокий социальный статус, будучи служащими (учителями, врачами, инженерами, экономистами), чиновниками в управлении и криминалистике, журналистами и священниками. Интересно отметить, что более половины матерей информантов (12 у мужчин и 7 у женщин) – домохозяйки.

При чтении списков слов, т.е. в ситуации, когда внимание и самоконтроль достигают наивысшей степени, были зафиксированы следующие варианты реализации наблюдаемых фонологических переменных (табл. 1 – 5):

Пояснения. Позиции обозначены в таблице буквами, где V – гласный, K – согласный, LV – долгий гласный, KV – краткий гласный. Цифры означают: количество реализованных вариантов той или иной переменной (слева) и ее процент (справа) от общего числа реализаций ФП в каждой позиции (в скобках). Смешанный по звучанию языково-целевой вариант /r/ изображен как 'R/ʁ', неинтенсивные звуки заключены в скобки. Обращает на себя внимание факт преимущественного употребления женщинами целевого [ʁ] в интервокальной позиции и после согласного (по 92%), а также вокализация /r/ в инлауте после краткого гласного (67% против 31% у мужчин), что подтверждает мнение о чувствительности женщин к произносительным тенденциям. В ауслaute после /a/ слабый консонантный (обычно [(ʁ)]) чаще сохраняется у мужчин, в то время как у женщин его артикуляция ослабевает до полного исчезновения звука в 33% против 7%. Особое место занимают названия месяцев *Januar*, *Februar*, в ауслaute которых отмечается элизия /r/ в большинстве случаев (55% у мужчин и 71% у женщин).

Таблица 1. Реализация ФП /г/ представителями разного пола

Мужчины (по 42 реализации ФП /г/ в каждой позиции; всего 336 р.)								
Позиц.	V	K V	LV V	LV -, -er	KV K	/a/	/a/ K	-ar
Примеры	Rad, rund	brav, krank	wäre, Bären	Meer, Peter	Sorte, Version	war, Zar	bart, zart	Januar, Februar
г	3 / 7%	3 / 7%	3 / 7%	2 / 5%	2 / 5%	3 / 7%	2 / 5%	2 / 5%
R	22 / 52%	2 / 5%	2 / 5%	---	---	---	---	3 / 7%
R/в	6 / 14%	6 / 14%	2 / 5%	---	2 / 5%	---	2 / 5%	---
в	8 / 19%	28 / 67%	32 / 76%	---	22 / 52%	16 / 38%	10 / 24%	3 / 7%
(в)	---	---	---	---	3 / 7%	19 / 45%	14 / 33%	14 / 33%
е	---	---	---	40 / 95%	13 / 31%	---	2 / 5%	---
-	---	---	---	---	---	3 / 7%	7 / 17%	23 / 55%
Женщины (по 24 реализации ФП /г/ в каждой позиции; всего 192 р.)								
г	2 / 8%	2 / 8%	2 / 8%	1 / 4%	1 / 4%	2 / 8%	2 / 8%	2 / 8%
R	16 / 67%	---	---	---	---	---	---	---
R/в	4 / 17%	---	---	---	---	---	---	---
в	2 / 8%	22 / 92%	22 / 92%	---	7 / 29%	4 / 17%	4 / 17%	---
(в)	---	---	---	---	---	10 / 42%	14 / 58%	5 / 21%
е	---	---	---	23 / 96%	16 / 67%	---	---	---
-	---	---	---	---	---	8 / 33%	2 / 8%	17 / 71%

Таблица 2. Реализация ФП /ε:/ представителями разного пола

Позиция	Перед 'г'		Не перед 'г'	
	Мужчины (42р.)	Женщины (24р.)	Мужчины (84р.)	Женщины (48р.)
Информанты				
ε:	9 / 21%	2 / 8%	13 / 16%	10 / 21%
ε/е:	15 / 36%	19 / 79%	45 / 54%	31 / 65%
е:	12 / 29%	3 / 13%	18 / 21%	7 / 15%

Пояснения. Реализации в позиции перед 'г' анализировались в словах *wäre, Bären*; не перед 'г' – в примерах *Mähne, Mädchen, Fähnchen, Kähnen*. В слове *Däne* (случай не отображен в таблице) регулярно использовался нормативный [ε:], что происходило, вероятно, по причине легкости его образования вследствие частичного совпадения места артикуляции переднеязычного взрывного [d] и гласного переднего ряда [ε:]. Отмечено также, что женщины охотнее произносят более узкий вариант /ε:/ (обозначен как 'ε/е:') в любой из позиций. Мужчины же чаще используют закрытый гласный [ε:] – вариант, изначально присущий северным регионам Германии и переходящий сегодня ввиду большой распространенности в категорию разговорных форм [14, с. 120]. Интересно, что в конце чтения списка слов информанты в большинстве случаев переходили на [ε:]. Полученные данные подтверждают результаты исследований В. Кёнига: 12–13% долгих гласных, обозначенных на письме буквой 'ä(h)' в позиции не перед 'г', реализуется как закрытый [ε:], прежде всего на севере страны [15, с.44-46].

Таблица 3. Реализация ФП /ə/ в безударных приставках *be-, ge-* представителями разного пола

Реализация /ə/ в прист. <i>be-, ge-</i>	В словах <i>begrüßen, bedürfen, geschehen, gedeihen</i>		В словах <i>besprechen, beschreiben</i>	
	Мужчины (84р.)	Женщины (48р.)	Мужчины (42р.)	Женщины (24р.)
Информанты				
ə	68 / 81%	44 / 92%	10 / 24%	12 / 50%
е	16 / 19%	4 / 8%	32 / 76%	12 / 50%

Пояснения. Слова *besprechen, beschreiben* располагались ближе к концу списка слов, при их произнесении наблюдалось замедление темпа и перенос ударения на приставку, в результате чего резко возрос процент реализации [e] как у женщин (50%), так и у мужчин (76%). В идиолекте мужчин (2 чел.), выходцев из северной Баварии, как правило, отмечался только вариант /e/ как регионально окрашенный. В целом же, женщины чаще произносили стандартный /ə/.

Таблица 4. Реализация ФП /z/ в немецких словах и заимствованиях представителями разного пола

Варианты реализ. зац. /z/	В заимствованиях <i>Seminar, Sektion, Syntax, systematisch, asozial</i>		В немецких словах <i>sagen, sehen</i>	
	Мужчины (105 р.)	Женщины (60 р.)	Мужчины (42р.)	Женщины (24р.)
Информанты				
z	50 / 48%	46 / 77%	26 / 62%	19 / 79%
z/s	20 / 19%	4 / 7%	14 / 33%	3 / 13%
s	35 / 33%	10 / 17%	2 / 5%	2 / 8%

Пояснения. При реализации звонкого /z/ как в заимствованных, так и в исконно немецких словах женщины однозначно чаще придерживались стандартной формы произношения. Заметим, что на это соотношение не

могли повлиять условия эксперимента, поскольку информанты, происходящие из центральных и южных регионов Германии, где наблюдается оглушение /z/ → [s], составляли в обеих группах равный процент (11 мужчин из 21 и 7 женщин из 12). Вариант, средний по звучанию между /z/ и /s/, условно обозначен как 'z/s'.

Таблица 5. Реализация ФП /ç/ в суффиксе **-ig** и ФП /ŋ/ в суффиксе **-ung** представителями разного пола

Реализация -ig; -ung	В словах <i>stressig, fertig, wichtig</i>		В словах <i>Prüfung, Übung</i>	
	Мужчины (63 р.)	Женщины (36 р.)	Мужчины (42 р.)	Женщины (24 р.)
iç	33 / 52%	15 / 42%		
ik	27 / 43%	21 / 58%		
uŋ			29 / 69%	16 / 67%
uŋk			13 / 31%	8 / 33%

Пояснения. Среди вариантов реализации суффикса **-ig** в речи мужчин, выходцев из Саксонии, были зарегистрированы также 3 случая [iç]. В идиолекте информантки из Вестфалии (г. Мюнстер, 35 лет) с меньшим стажем преподавания в университете отмечена постоянная реализация варианта [ik], что, возможно, и дало высокий общий процент его в группе женщин. Женщины также несколько опережают мужчин в употреблении разговорного варианта [uŋk] суффикса **-ung**, появляющегося при ослаблении напряженности и стабильности артикуляции конечного сонорного /ŋ/.

Основным **итогом** исследования является констатация факта, что произношение преподавателей разного пола имеет отличительные черты, которые на сегментном уровне выражаются в разном количестве употребления тех или иных произносительных форм. В ситуации официального общения (зд. – при чтении списков слов) в речи женщин несколько чаще по сравнению с мужчинами регистрируются стандартные формы. Разговорные и регионально окрашенные произносительные варианты обнаруживаются в разной степени у представителей обоих полов. Влияние региональной принадлежности и условий общения на произношение информантов – очевидно, однако одним из наиболее мощных факторов, вызывающих гендерную дифференциацию речи, являются, по-видимому, стереотипические представления общества о речевом поведении представителей разного пола.

Наряду с выявлением гендерных признаков единиц фонетико-фонологического уровня **перспективным** представляется анализ лексических и грамматических гендерных особенностей. При этом исследование можно было бы проводить в сугубо женских и в сугубо мужских коллективах, в смешанных группах и прочих других комбинациях с учетом возрастной дифференциации говорящих.

Источники и литература

1. Eigler F. Frauen und Männer im Gespräch. Eine empirische Untersuchung des Kommunikationsverhaltens von nordamerikanischen Studentinnen und Studenten. – Marburg: Tectum Verlag, 2002. – 338 S.
2. Bodine A. Sex differentiation in language. In: Thorne, Barrie/Henley, Nancy: Language and sex: Difference and dominance. – Rowley, 1975. – P. 130-151.
3. Синельник В.Ю. Особенности женской и мужской речи в японском языке // Вісник Луганського національного педагогічного університету ім. Т. Шевченка. Філологічні науки. – Луганськ: ЛНПУ, 2007. – №13 (129). – С. 167-172.
4. Jespersen O. Language: Its Nature, Development and Origin. – London, 1922.
5. Добровольский Д.О., Кирилина А.В. Феминистская идеология в гендерных исследованиях и критерии научности // Гендер как интрига познания. Сб. статей. Сост. А.В. Кирилина. – М.: Изд. МГЛУ "Рудомино", 2000. – С. 11-20.
6. Trudgill P. The Social Differentiation of English in Norwich. – Cambridge, 1974.
7. Labov W. The Social Stratification of English in New York City. – Washington, D.C.: Center for Applied Linguistics, 1966. – 655 p.
8. Macaulay R. Variation and consistency in Glaswegian English. In: Trudgill, Peter: Sociolinguistic patterns in British English. – London, 1978. – P. 132-143.
9. Mattheier K. Pragmatik und Soziologie der Dialekte. – Heidelberg, 1980.
10. Milroy L. / Milroy J. Mechanisms of change in urban dialects: The role of class, social network and gender. In: International Journal of Applied Linguistics 3. – 1993. – P. 57-78.
11. Lakoff R. Language and woman's place. – New York, 1975.
12. Key M. R. Male / Female language. – Metuchen, NJ. – 1975.
13. Hewstone M. / Giles H. Social groups and social stereotypes. In: Coupland, Nikolas/Jaworski, Adam: Sociolinguistics – A reader and a coursebook. – New York, 1997. – P. 270-284.
14. Бухаров В.М. Варианты норм произношения современного немецкого литературного языка. – Н. Новгород, 1995. – 138 с.
15. König W. Atlas zur Aussprache des Schriftdeutschen in der Bundesrepublik Deutschland. – Ismaning, 1989. – Bd. 1. Text; Bd. 2. Tabellen und Karten.